

Письма из незабытого прошлого

Ossip Mandelstam. Lettres. Trad. Du russe par Gislaine Capogna-Bardet / Ed. prepare par Michel Parfenov. Pref. d'Annie Epelboin. Paris, 2000. — 375 p. (Archives privees).

В популярной зарубежной серии «Частные архивы» вышла и стараниями Мишеля Парфенова пересекла границы, чтобы накануне 110-й годовщины со дня рождения Осипа Мандельштама появиться в России, прекрасно оформленная книга писем автора «Воронежских тетрадей».

Деятельность французского издателя М. Парфенова хорошо нам известна. На протяжении многих лет под его эгидой издаются переводы прозы Евгения Замятина. Им же недавно выпущены «Черная книга» И. Эренбурга и В. Гроссмана, дневник Михаила Булгакова. Благородный труд по переводу и выпуску сборника мандельштамовских писем взяли на себя издательства «Солэн» и «Акт сюд». Низкий им за это поклон...

Конечно, далеко не всегда письма — такой уж благодатный источник для глубокого осмысления наследия художника. И, как правило, слишком неполный. Понимая это, составители книги знакомят читателя с хроникой событий, сыгравших важную роль в судьбе поэта. На страницах издания рядом с письмами читатель находит тщательно подобранные фотографии; на них — лица хорошо знавших Мандельштама людей, дома, в которых он бывал или временно жил, скитаясь с «нищенкой-подругой» по бесприютным советским городам, обложки сборников стихов, почтовые карточки, автографы писем.

Их по счету 247, этих посланий из прошлого, чудом сохранившихся, извлеченных из государственных архивов или сбереженных в частных собраниях. Но и фраза «окончание письма

утеряно» — тоже весьма показательна. Характерная деталь: у Анни Эпельбоин, автора обстоятельного предисловия к книге, маститого знатока русской литературы, и у Гислен Капонья-Бардэ, переводчицы, впервые выступившей со столь большой работой, этот славянский штамп («чудесным образом сохранились») справедливо вызывает внутренний протест, отнюдь не радостные ассоциации и уточнения. Читателю напоминают: до наших дней, возможно, дошла лишь малая часть переписки. Известно точно: многие письма, адресованные Мандельштамом брату Александру (и отцу), сожгли родственники, опасаясь ареста...

Увы, та мрачная эпоха не располагала к собиранию весточек даже от самых близких людей. Надежде Мандельштам пришлось передать письма мужа их воронежской знакомой Наталье Штемпель, и та сберегла бесценные для нас страницы от огня и любопытных глаз в... жестяной банке для чая. Разумеется, не одним лишь «чудесным промыслом», но любовью и преданностью сберегались эти пожелтевшие листочки...

Письма 1920-х гг. очень разные — иногда по-деловому лаконичные, часто ироничные, в некоторых случаях даже гневные, но всегда очень искренние. В 30-е Мандельштам не так откровенен. Он сравнивает себя с почти невидимой тенью, сознавая, что подступает к самому краю жизни. Он чаще прибегает к фигуре умолчания; больше недоговаривает. Ну, казалось бы, что может быть невиннее просьбы прислать ему антологию испанской поэзии и словарь испанского языка (письма 1936 г.)... Между тем за этими словами проступают и время, и характер, ведь речь идет о сборнике стихов, сложенных загубленными инквизицией поэтами. Мандельштам явно чувствует созвучие между дикими нравами средневековья и своей мрачной эпохи.

Но о многом и в 30-е гг. говорится недвусмысленно внятно. Враждебное окружение, почти беспросветная нужда, болезнь, невыносимая разлука с друзьями... Письма воссоздают истинные обстоятельства противостояния поэта и «века-волкодава», беспощадного к инакомыслию и человеческому «самостоянию».

Письма жене — особый, исполненный пронзительной нежности сюжет, оборванный, как и жизнь поэта, на полувздохе-полустоне. Завершает основной корпус книги факсимильный оттиск письма Надежды Яковлевны Борису Кузину от 30.01.1939 г.: «Боря, Ося умер. Я больше не могу писать. Только — наверное, придется уехать из Москвы <...> Я не пишу — мне трудно <...>».

Да, оплаченные слезами и лишениями, письма не позволя-

ют вытравить из памяти знаки того страшного прошлого. Не случайно составители книги воспроизводят на ее страницах лишь немногие — но красноречивые! — документы эпохи. Какое впечатление могут произвести на французского читателя полуграмотная «Выписка из протокола Особого совещания при Народном комиссаре внутренних дел СССР от 2 августа 1938 г.» о заключении «МАНДЕЛЬШТАМ Осипа Эмильевича за к.-р. деятельность в исправтрудлагерь...» и фотографии поэта «в профиль и анфас» из сданного в архив дела? (Эти фотографии воспроизведены и среди писем, и на последней странице обложки). Какое? Очевидно, почти такое же, как и на немецкого, и на английского, и на американского, и на нашего, российского! Власть и художник, обскурантизм и культура, страх перед насилием и свобода слова — быть может, в зависимости от того, в чью пользу делает свой выбор общество, и зависит, в конечном счете, его духовное и гражданское здоровье?...

Наверное, есть какой-то высший смысл в том, что письма Мандельштама изданы не только в России, но и во Франции, и в Германии, и, насколько мне известно, в Англии. Наследие великого поэта, духовный мир которого даже в самые глухие и страшные годы вбирал в себя шедевры и образы мировой культуры, теперь все больше открывается зарубежному читателю. И это — прекрасно.

О. Ю. Алейников